

чальном, этапе важно было, по крайней мере для меня, обратить внимание на некоторые наиболее типичные сложности и недостатки.

Автор осознает, что некоторые положения являются спорными. Хо-

телось бы, чтобы этот материал стал началом дискуссии заинтересованных историков. Любому отклику буду рад.

В. А. Данилов

Между историографией и псевдоисториографией

Среди разговоров о кризисе жанра историографии в российской исторической науке как-то не обращается внимание на тот невиданный бум историографических работ, который наблюдается в России в последнее время. Диссертационные советы, конечно, где есть специальность 07.00.09, завалены на 2/3 диссертациями по историографии; в ВАКе, судя по «Летописи авторефератов диссертаций», та же картина. Стало считаться, что написать работу по историографии много проще. Несостоявшийся специалист по «всеобщей истории», от которого требуется основательное знание зарубежной литературы и источников, равно как и неутвердившийся специалист по «отечественной истории», от которого ожидается работа с многочисленными периферийными и центральными архивами, с легкостью превращаются в историографов. Новая, постсоветская, «сменовеховская» эйфория сделала легким делом критику достижений прежней российской исторической науки, позволяющим быстро «перерастать» в кандидатов и докторов наук.

Между тем здесь нельзя не согласиться с профессором В. А. Даниловым: историографическое исследование принадлежит к числу наиболее сложных, кратно превосходящих по трудоемкости и затратности интеллектуальных усилий чисто историческое исследование. Для формирования историографического видения требуется целая жизнь, причем жизнь на пределе активности, максимальной включенности в европейскую и мировую академическую среду. Судьбы выдающихся историков позволяют говорить об определенной логике обращения к историографическим сюжетам:

первую часть жизни историк занимается конкретными историческими штудиями, шлифуя до совершенства свою исследовательскую технику, затем он обращается к вопросам истории культуры, требующим более высокого уровня обобщения и знания мировой историко-культурологической традиции, и лишь после этого переходит к историографии, становящейся как бы итогом жизни ученого в науке.

Подлинное историографическое исследование не может не учитывать опыта зарубежной историографии; даже в самом периферийном сюжете, посвященном, к примеру, отзвуку революции в Ямальской тундре, будет признаком непрофессиональности игнорирование американской, канадской, скандинавской, исландской историографий, касающихся судеб приполярных аборигенов в условиях социальных трансформаций XX в.

Равно как действительное историографическое изыскание не может ограничиваться обзором только опубликованных работ; оно, непременно, должно опираться на архивный материал. Узкое понимание историографического источника, историографического факта только как опубликованного сегодня несостоятельно; историографическим фактом является любое научное слово, озвученное в академических дискуссиях, конференционных дебатах, изложенное в переписке между учеными или произнесенное в диалоге учителя и ученика; поэтому от историографа требуется знание не только опубликованных книг, статей, рецензий, но и протоколов научных заседаний, эпистолярного наследия, мемуаров и личных архивных фондов ученых; важным оказывается и обра-

щение к инструментарию *oral history*, интервьюированию современников, непосредственных участников и свидетелей историографического процесса. Порой слово неопубликованное имеет гораздо большую силу и влияние на умы, нежели статья, помещенная в реферируемом и распространяющемся в зарубежных библиотеки академическом журнале. Русскому духу с его еще недавним культом самиздата, приверженностью анекдотическому жанру, не преданностью письменному тексту это должно быть более чем понятно.

Истинное историографическое размышление не может обойти проблему ментальности самого историка, активного актора процесса осмысления прошлого и его концептуализации. Конечно, анализ феномена продуцирования исторического знания, погружающегося в глубины рефлексии субъекта, много сложнее. Гораздо проще изучать «что писали историки», нежели «как они писали». Первый путь облегчается «дурной» традицией, «ложной» школой, мнимым научным наставничеством. Второй же путь всего этого лишен; автору приходится продвигаться здесь без какой-либо опоры на образцы, без водительства авторитета. Однако если первый путь беден результатами, которые клонируют один и тот же однажды найденный спасительный стереотип, отчего псевдоисториографические работы предстают похожими друг на друга, словно они созданы под копирку или благодаря «сканерной методологии», то второй путь открывает целые пласты исторического познания, еще не тронутые ничьим озарением и даже мерцающей рефлексией, и потому истинно историографические работы оказываются столь увлекательными, потрясающе жизненными и всегда новыми.

Подлинное историографическое описание не может претендовать на «объективность»; последствия подобной претензии проявляются в обезличенной, «бездушной» историографии,

абстрактном историческом социологизировании, где фигурируют одни лишь мыслительные конструкции, не зависящие ни от чьей воли процессы, «массовидные» исторические явления. Главным объектом профессиональных занятий историографа должна быть индивидуальность во всей ее неповторимости, неординарности, способности противостоять внешним, принудительным обстоятельствам.

Для историографа особую важность приобретают интеллектуальный инструментарий историка прошлых эпох, его категориальный аппарат, идиоматический словарь, терминологические клише, лексические сегменты научного метаязыка, «фигуры мысли»; существенным оказывается анализ исследовательских техник, а равно практик продвижения тех или иных идей, когда одни из них приобретают статус научной истины, или даже догмы, а другие отбрасываются как заблуждение; в сферу интересов историографического исследования попадают и стиль полемики, и приемы аргументации диспутантов и воздействия на оппонентов.

Современный историографический поиск отличается и более сложным методологическим арсеналом, в который входят и постмодернизм, и психоанализ, и дискурс, и приемы смежных отраслей гуманитарного знания, и многое другое. Меняется и сама конструкция историографического текста, который уже не подчиняется привычной для традиционной историографии хронологической рядоположенности (к примеру, выделение периодов до 1917 г., 1917 — до начала 50-х гг., начало 50-х гг. — середина 80-х гг., середина 80-х гг. — конец XX в.), мало что дающей для понимания процесса исторического познания в силу известной самостоятельности интеллектуального творчества, его

непрагматической ориентированности и свободы; в современной историографии доминирует либо проблемный принцип, либо свойственный новейшей интеллектуальной истории принцип иерархизации эпистемологически и ценностно значимых идей.

К счастью, в том безудержном потоке историографических работ, который поневоле приходится наблюдать, встречаются отдельные, отвечающие современному вызову европейской и мировой историографии. Приятно, что есть они и в провинции.

А. Г. Еманов